

КНИЖНАЯ ПОЛКА ИРИНЫ РОДНЯНСКОЙ

Новый мир. № 12. 2009.

Что примечательно сегодня: литературоведение ищет не столько новые объекты исследования (привлекательны прежде всего имена первого ряда – неисчерпаемый источник для демонстрации собственных находок), сколько новые методы и ракурсы, сближающие филолога с философом. Это относится к трем книгам, представляемым ниже, но в первую очередь – к книге О. Меерсон, итожащей прежние ее работы. (Нелишняя справка: автор – университетский профессор в США, жена православного священника, мать троих детей; труд ее посвящен «учителю» - Роберту Белнэпу, выдающемуся американскому достоинству.)

Вот кто понял Бахтина, что называется, адекватно! (И даже – в духе его «оправдания», «бахтинодицеи».) Поэтика персонализма – это поэтика уважения автора к личности своих героев, подобная «уважению» Творца к любой личности человеческой в ее самобытии и свободе. Притом Меерсон расширяет область такой персоналистской «постановки» персонажа: если Бахтин очерчивал ее границы вокруг прямого или косвенного слова действующего лица, то исследовательница учитывает и зрящий глаз героев, даже когда их слово не вклинено в речь повествователя или рассказчика. Вместе с тем она совершенно справедливо указывает на наличие верховного ценностного взгляда самого автора произведения – как конструктора и сопоставителя чужих точек зрения по ходу сюжета[16], – тем самым освобождая «полифонию» Бахтина от привкуса релятивизма и противясь «агностической» догме Ролана Барта о «непознаваемости автора из текста» («Автор присутствует в своем тексте <...> не только нарративно, но и, в первую очередь, структурно»).

Охват книги – при выдержанности единого подхода (см. подзаголовки) – чрезвычайен: от лирической поэзии литургии и псалмов, через Пушкина, Достоевского, Толстого, Лескова, до «Котлована» Платонова и «Голоса из хора» Абрама Терца. Читателя ждет ряд парадоксальных соположений, эвристических вспышек. Например, рассказ о Сретении у евангелиста Луки и Иосифа Бродского в виде двух взглядов на одно и то же событие – Богоматери и старца Симеона. Или: «Вий» и «Кроткая» как два противоположных отношения к женскому существу: «объектное» – глазами Хомы Брута, устремленными на панночку, и повернутое к восприятию изнутри – по мере опаматования рассказчика-вдовца. Для меня чрезвычайно значима глава о Смердякове – «центре субъектной организации (1)Братьев Карамазовых(2)» (Достоевский доносит до читателя полноправную точку зрения Павла Федоровича, но трое братьев, не без трагических последствий, игнорируют ее). Я чуяла, подозревала нечто подобное, особенно после гениальной игры Валентина Никулина в посредственном фильме Пырьева, – но чтобы так убедить!

Самому же автору, видимо, особенно дорога глава о «Хаджи-Мурате», где с толстовской категоричностью передан взгляд чеченцев на действия русских войск. «В преподавании этой повести <...> после 11 сентября я достигла успеха, впечатлившего и отчасти даже утешившего меня саму: по ходу обсуждений Толстого на семинаре мои американские студенты стали называть русских героев (1)Хаджи-Мурата(2)... (1)мы(2)! Эти студенты стали смотреть глазами жителей разоренного русскими аула <...> не на русских героев повести <...> а на себя! ...Поэтому субъектную организацию литературного произведения вряд ли можно назвать проблемой кабинетной...»

В финале книги – толкование библейского предания о запретном древе в раю. «Знание о добре и зле вчуже», «объектное знание добра и зла» убивает совесть. Отсюда: «Не судите, да не судимы будете».